

КОЛЛЕГИЯ
ПОЭТОВ И ПРОЗАИКОВ,
2019

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК

ВО ИМЯ ЛЮБВИ И СВОБОДЫ...

Мария Бутырская

Во имя любви и свободы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42572510

ISBN 9785449678652

Аннотация

В сборник вошли лучшие произведения авторов Коллегии из России и стран Ближнего Зарубежья. Издание рассчитано на широкий круг читателей.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
«ТРОПОЙ ОТВАГИ, ВЕРНОСТИ И СЛАВЫ...»	6
ПАМЯТИ ДЕДА, АНАТОЛИЯ	8
СТЕПАНОВИЧА	
ПОСЛЕДНИЙ БОЙ	11
ПРОСТИ МЕНЯ, МАМА...	13
ПАМЯТИ СОЛДАТА	14
ЧЕМ ПАХНЕТ ВОЙНА?	17
РЯДОВОЙ	18
БОЙ	20
ПРИРОДА МУДРА	21
Поцелуй со смертью	22
НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОДВИГ	32
ДЕДУ ПОСВЯЩАЮ	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Во имя любви и свободы

Редактор Мария Бутырская

Иллюстратор Леонард Крылов

© Леонард Крылов, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-7865-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Коллегия поэтов и прозаиков представляет коллективный литературный сборник, посвящённый военным действиям XX века.

В книгу вошли лучшие произведения авторов Коллегии России и стран Ближнего Зарубежья.

Война! – нет слова на свете страшнее...

Загубленные человеческие жизни, разрушения, страх и боль.

Боль раненых и боль вдов, страх погибнуть самому или потерять близких. Надежда на то, что этот ад рано или поздно закончится и все вернутся с фронта. Вера в собственные силы и в то, что враг будет повержен.

Любовь, ради которой и свершаются подвиги, ради оставленных дома жён и любимых, ради слишком рано повзрослевших детей, которых военные действия лишили радости детства.

Пусть наши близкие никогда не испытают все ужасы военных действий, и слово «война» останется лишь в истории, как факт пережитого...

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

С уважением, автор проекта Светлана Кунакулова.

**«ТРОПОЙ ОТВАГИ,
ВЕРНОСТИ И СЛАВЫ...»**

ПАМЯТИ ДЕДА, АНАТОЛИЯ СТЕПАНОВИЧА

Мой дед, Анатолий Степанович, во время Второй Мировой Войны служил в разведке, лет в 17 попал на фронт.

В мирное время прививал любовь к футболу подрастающему поколению, так из дворовых мальчишек, склонных к хулиганству, выросли приличные люди, которые очень были ему благодарны.

Невысокого роста, немного хромал из-за осколка в ноге - "сувенир войны". объездил всю страну, тогда Ветеранам талоны на бесплатные путешествия давали.

Всегда с чемоданом, а в чемодане - кот, рассказывал, как вора украл, а потом вернули, разочарованные.

Коллекционировал открытки и значки.

Со всеми легко находил общий язык, надо у актёра взять автограф - стоит только деда попросить. Так у нас фото с автографом актёра Смирнова имеется.

Всегда был борцом за справедливость, слабых защищал.

Помню сосед по парте меня обижал, во 2м классе, пожаловалась, оказалось деда моего он уважает, да и от отца своего взбучку получил. Так что на следующий день пришёл мой одноклассник с апельсинами, извинениями и мол, предупредить надо, кто дед.

Ещё говорил, чтобы не боялась я одна вечерами ходить,

не тронут.

О войне он говорил мало, только на 9 мая. Как сейчас, помню его мягкий голос.

– Не признаю название : Волгоград, для меня он останется Сталинградом!

А потом просил тетрадь, дед был отличным художником, со времён войны рисовал шаржи на Гитлера, жаль, тетрадь кто-то украл... И рисовал, и немного рассказывал.

– Знаешь внученька, как разведчика русского в Германии могли вычислить?

– Нет!

– По ботинкам, фритцы чистили полностью, а наши только носок.

– Интересно.

– И счёт на пальцах у них другой...они их будто " выкидывают", резко.

Потом он замолкал, переводил дух, словно хотел сказать, что-то интересное, так оно и было.

помню в Берлин вошли, надо была врага застать врасплох, я возьми да предложи: надо через канализацию действовать.

Мою идею похвалили и добровольцем нарекли, придумал-прыгай! Нос зажал, глаза закрыл, прыгнул...и удивился, чистота, запаха нет, как музей! Так мы и выполнили задание.

А когда до Рейхстага, дошли я одним из первых на стене написал:

" Чтобы мои дети не знали войны". Война, внученька, это очень плохо! Мирное время дороже всего!

В 1993г его не стало...Многое было не сказано, не узнал дед о моих маленьких победах, но наверное гордился бы мною.

Мария Ярославская

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Собакам-безмолвным героям войны посвящается. Никто не забыт!

Незнакомые запахи, чужие... Пахнет нагретым металлом, порохом и запекшейся кровью... К запаху крови Рекс привык – из тех четырёх лет, что он провёл на этом свете, три были пропитаны этим невыносимым запахом. Люди говорили, что это – «война». Вот и Хозяин так говорил...

Что такое «война», Рекс не знал, он просто чувствовал, что это – нечто нехорошее и страшное... А ещё он знал, что под днищем железяки под названием «танк» есть еда.

Есть-то как хочется! Рекс сглотнул. В последний раз он ел позавчера, похлёбку с костями – ох, и вкусно же! А сегодня на рассвете, их – его и ещё двоих его друзей, Мишку и Аякса, куда-то повезли. Долго везли, а затем выпустили в пролеске, надев на спины ранцы.

К ранцу Рекс тоже привык – его всегда надевали, когда нужно было лезть под железяку...

Почему у Хозяина трясутся руки? Раньше такого не было... Рексу отчего-то вспомнилось, как давным-давно, его, кутёнка, только открывшего глаза, подхватили тёплые руки Хозяина, и ему стало сразу тепло и уютно. Хозяин любил его, простую дворняжку без роду и племени, любил всем серд-

цем, а Рекс очень старался слушаться...

«Вперёд!» -раздалась команда. Рекс, Аякс и Мишка почти одновременно рванули к железякам – сначала нужно поесть!

Вспышка – это последнее, что промелькнуло в сознании Рекса – и темнота...

Хозяин – армейский кинолог – отвернулся. Нет, он не плакал, что вы! Плечи подрагивали от холода... Зацветала сирень, жизнь продолжалась... Три фашистских танка были уничтожены.

Война неуклонно близилась к своему завершению.

Мария Бутырская

ПРОСТИ МЕНЯ, МАМА...

Прости меня, мама, иду на таран,
Я знаю, что должен, но страшно до коллик.
Моторы горят, дым вокруг как туман,
Я ранен и больше не чувствую боли.

Прости меня, мама, что я не вернусь,
Ты столько молилась о сыне ночами!
Мой дым превращается в чёрную грусть,
И эта война не считается с нами.

Прости меня, мама, и знай, я – не трус,
И даже погибнув во время налета,
Я жизнью своей до врагов доберусь!
А после... медаль боевого расчёта.

Светлана Сапронова

ПАМЯТИ СОЛДАТА

Пролетела зима, вот опять месяц май,
Приближается памяти дата!
Мне отец говорит – " сын, «В землянке» сыграй,
Вспомним подвиг бесстрашный солдата»».

««Лет полсотни назад гроыхала война,
Небеса содрогались от боли!
Дядя был у тебя, жизнь его отдан»а
За свободу, за счастье и волю.»

Растянул я меха, зарыдала гармонь,
Про землянку, любовь и солдата.
Пред глазами война, пред глазами огонь,
И разведчики, все в маскхалатах...

Лес сосновый, полесье, луч солнца проник,
Сквозь верхушки деревьев играя.
Семь солдат боевых, вместе с ними лесник,
По тропинке неслышно шагают.

Километрах в пяти позади полоса,
Фронтная в разрывах гремела,
А семёрка солдат скорым шагом прошла,
Через поле к деревне, что слева.

Показались дома, и лесник говорит —
«Мне вчера связники сообщили,
Что каратели здесь, братцы, хата горит!
Мы успеем, дай боже нам силы».

«За поддержку бинтами, едой партизан, —
Мирных граждан всех в дом погоняли.
Очень много детей там, приказ немцам дан,
Сжечь живьём всех, бежим, время мало!»

Зло сверкнули глаза... В руки взяв ППШа,
Семь бойцов в сапогах, маскхалатах,
На пределе возможностей, к дому спеша,
В бой рванулись... Кровь детская св'ята!

Пали двое фашистов от лезвий ножей,
В полицаев с бензином, – граната,
Полетела крутясь, две ещё вслед за ней,
Брошенные рукою солдата.

Застрочил беспощадно в ответ пулемёт, —
Трое наших познали бессмертье.
Остальные разведчики с криком – «Вперёд!»,
За детей шли в объятия смерти.

От сапёрной лопатки погиб полицай,
Ещё трое фашистов упали.
Принял вечность лесник, застонал месяц май,
И мгновение вечностью стало...

Дверь слетела с петель от удара ноги, —
Даже смерть подчиняется смелым!
Стариков и детей – соль земли – сберегли,
А друзей уберечь не сумели...

Лес сосновый, полесье в багряном огне,
Задыхалось и солнце от боли...
А те семеро, что так привиделись мне,
Там остались – за счастье и волю.

Лет полсотни назад громыхала война,
Небеса содрогались, рыдая...
Так помянем же тех, кто отдал долг сполна,
За Отчизну в бою умирая...

Янэк Жалвинский

ЧЕМ ПАХНЕТ ВОЙНА?

К старому солдату-ветерану
журналистка подошла одна:
– «Уважая возраст Ваш и раны,
лишь спрошу я:
– Пахнет чем война?»

...«Запах пороха...
земли,
снарядов,
мин,
вонь
дымящихся покрышек
от машин...
И... тротилом...
и бинтами
от гниющих ран,» —
– призадумавшись,
ответил ветеран...

Константин Волынец

РЯДОВОЙ

Влажными устами
Разговор вели,
В полночь со словами
И цветы цвели.
Слезы утирала
Призрачная ночь,
А к утру устала,
Силясь им помочь...

Вечная разлука
Предстояла им,
В дверь стучала скука
К тем кто был любим.
В небо копоть бросит
Первый эшелон,
Родина попросит
И уедет он...

На полях сражений,
Огневых атак
Громких поражений
Ожидает враг.
Но к родному дому
Тропки не найдёт!
Слава Рядовому...

Дева слезы льёт...

Иван Дьяконов

БОЙ

Давай же заводись, родная,
Не подведи на рубеже.
Напротив, совести не зная,
Фашист лютует в блиндаже.
Катюша, ты надежда наша —
Надежда, вера и любовь.
Мы в этот бой – страданий чашу
Должны вмешаться вновь и вновь.
Давай же заводись, родная! —
Махнем с тобою напорыв!
Пусть дрогнет враг наш, причитая, —
Отпор получит супротив!
За этот бой в неравной схватке
Сейчас в ответе мы с тобой.
Мотор завелся, всё в порядке —
Ударим мощью огневой!

Иван Дьяконов

ПРИРОДА МУДРА

Природа мудра и конфликта в ней нет,
И в этом ее постоянство:
По жилам, по руслам извилистых рек
Питает земное пространство.

Напрасно пытаемся связь оборвать
И жизнь под себя перестроить.
Стихию, как лошадь нельзя обуздать,
Нельзя подчинить, успокоить.

Вновь в мире людей прогремела война
За власть, за богатство, за славу.
Природа, как женщина – статна, стройна,
Под танком посеяла травы.

Природе не важен конечный итог,
Затянутся рваные раны...
А Бог, лишь для нас, для людей нужен Бог,
Чтоб были гуманнее планы.

Иван Дьяконов

Поцелуй со смертью

Рассказ из цикла «Рассказы ветеранов»

Эта история произошла со мной в июне 2002-ого года. Я сидел на лавочке в тихом сквере и, наслаждаясь тишиной и одиночеством, читал журнал про советскую авиацию времён Великой Отечественной войны. К скамейке подбежали два мальчика в возрасте четырёх-пяти лет и своими шалостями стали отвлекать меня от чтения. Вслед за ними подошла молодая пара с человеком преклонных лет, опирающимся на трость. Супруги, к моему удивлению, попросили меня присмотреть за ним и за их детишками. Не имея пути к отступлению, я согласился, но уже через пять минут пожалел, что так легкомысленно взял на себя обязанность по присмотру за маленькими «чертенятами».

Как только их родители удалились по своим делам, дети не на шутку разыгрались. Чтобы успокоить их, пришлось изрядно постараться, и, наконец-то, мне это удалось. Я пообещал рассказать интересную историю, если они перестанут хватать гуляющих в парке кошек, пытаюсь оторвать несчастным хвосты, и спокойно сядут рядом. Их дедушка, дав слово подарить неугомонным сорванцам каждому по котёнку, помог мне усадить «молодое племя» на скамейку.

– Ты историей авиации увлекаешься? – спросил он меня.

– А почему вы спрашиваете?

– Пока ты тут с моими «разбойниками» разбирался, яглянул, что ты читаешь, – новый знакомый указал на мой журнал.

– Если вы обратили на это внимание, скажите, что вы об этом думаете? Мне интересно ваше мнение, – попросил я, надеясь, что он «пойдёт мне навстречу».

– Хорошо, расскажу тебе кое-что из своего прошлого, вижу – ты парень неплохой, – ответил пожилой человек, глядя на то, как я опять поймал ребёнка, пытавшегося лишиться жизни очередную проходившую мимо кошку. Он попробовал начать свой рассказ, но внуки-непоседы всё равно мешали своим шумом и беготнёй. Чтобы утихомирить их, пришлось сходить в ближайший киоск и купить каждому по мороженому. Лишь после этого малыши утомонились и, наслаждаясь вкусом лакомства, больше не перебивали нашу беседу.

***

Мой новый знакомый встретил войну молодым лётчиком-истребителем и уже в первых воздушных боях, быстро набираясь опыта, научился отправлять немецких «стервятников» в землю. Их авиационный полк, понеся тяжёлые потери в первые дни войны, сохранил свою боеспособ-

ность и исправно «портил кровь» немецкому «Люфтваффе» в небе Украины. Я попросил рассказать что-нибудь интересное из того, что больше всего запомнилось. Задумавшись на какое-то время, он помрачнел лицом и сказал:

– Был один такой вылет в сентябре 41-ого, который я запомнил на всю жизнь. После первых дней войны и тяжёлых потерь не у всех оставалась вера в победу, но, несмотря на это, все дрались отчаянно! Ведь отступить никому не хотелось, да и было просто уже некуда.

Любое боевое задание было тогда для наших пилотов игрой со смертью. Немцы имели полное превосходство в небе, и каждый советский лётчик понимал: даже простой обычный вылет мог стать для него последним. Однако уничтоженные самолёты противника укрепляли веру в нашу победу и придавали силы для борьбы. Тяжелее всего было наблюдать с высоты бои, идущие на земле. Имея свои строго определённые цели, пилоты не всегда могли поддержать наших бойцов с воздуха, но всегда старались сделать своё появление в небе заметным и знаковым, чтобы воодушевить советских воинов на борьбу с противником! Ничто не возвращало солдатам, ведущим тяжёлые бои на земле, веру в победу так, как сбитый у них на глазах и объятый пламенем немецкий самолёт!

Мой собеседник рассказывал о боях в небе Юго-Западно-

го фронта и о том, как они с воздуха наблюдали всю трагедию гибели наших войск под Киевом в сентябре 1941-ого года. К 14 сентября немцы замкнули кольцо, и в «котле» оказались части 5-ой, 21-ой, 26-ой и 37-ой армии. Не имея никакой возможности помочь окруженным частям, истребители с красными звёздами иногда просто «проходили» на небольшой высоте над головами солдат, чтобы своим появлением в небе хоть как-то поддержать их боевой дух!

В один из таких дней моего рассказчика отправили на воздушную разведку и аэрофотосъёмку позиций. Иногда прижимаясь вплотную к земле и уходя от встречи с немецкими истребителями, он, несмотря на неоднократный обстрел самолёта с земли, успешно выполнил задание и взял курс на свой аэродром. Главной задачей для лётчика в тот момент было доставить по назначению отснятые фотоплёнки. Пролетая над одной из дорог, он заметил странную колонну советских автомашин. Неизвестная часть на грузовиках следовала из окружения в сторону сближения войск противника с нашими войсками. Его смутило, что машины шли открыто, даже не пытаясь маскироваться.

Выбрав площадку для посадки в поле возле дороги, мой рассказчик ещё раз «прошёл» над грузовиками. Солдаты в кузовах приветствовали его взмахами рук, и он пошёл на посадку. Когда его И-16 приземлился, колонна остано-

лась. Было странным, что никто даже и не собирался к нему подходить. Убрав тягу винта своего «ишачка», мой герой не стал глушить двигатель, оставив его работать на низких оборотах. Отстегнув лямки парашюта и выбравшись из кабины, он направился к колонне машин странной неопознанной части.

– А вас не насторожило, что никто из офицеров не вышел вам навстречу? – спросил я, внимательно слушая его рассказ.

– Конечно, насторожило, поэтому я и оставил двигатель самолёта работающим, и, шагая по полю, приготовил пистолет к бою, – ответил мой собеседник. Задумавшись на минуту и переживая всё заново, он добавил:

– Я совершил тогда большую глупость: если бы меня убили, то отснятые мною плёнки не дошли бы до командования. И уже другому лётчику пришлось бы также в одиночку рисковать машиной и своей жизнью ради этих снимков, которые в результате сложившейся обстановки на фронте нужны были в тот момент как воздух.

Осознание своей ошибки пришло к моему герою намного позже, а тогда он просто шёл к грузовикам, стоявшим на дороге, с целью выяснить, что это была за часть. Когда до машин оставалось не больше двадцати метров, до него донёсся крик из кузова одного из грузовиков: «Беги, это немцы!». Я

заметил, как рассказчик вздрогнул, вспомнив те минуты. И я тоже, потому что слушая всё это, почувствовал себя на его месте и в той реальности. Услышав этот крик, он, спотыкаясь и падая, рванул к своему самолёту с такой скоростью, какую только смог развить на том поле. И эти падения спасли ему жизнь, потому что из машин по нему открыли огонь.

– Как же они не попали в вас? – спросил я, снова поставив себя на его место.

– Не знаю, может, то наше русское поле, сама русская земля помогла мне тогда! Когда я спотыкался и падал, то пули проходили мимо. Мне повезло: у тех диверсантов не было автоматического оружия. Они были одеты в советскую форму и вооружены соответственно экипировки нашей армии того времени: «трёхлинейками», винтовками Мосина, – ответил он.

Слушая всё это и представляя себя на его месте, мне самому стало страшно даже на этой скамейке! Я услышал визг пуль, пролетавших мимо меня, прочувствовал весь ужас того, что могу и не успеть добежать до самолёта... Но мой герой, к счастью, успел! Вскочив в кабину, он дал газ, и его «ишак», разгоняясь, запрыгал по полю. Набирая высоту, самолёт разминулся с верхушками деревьев на окраине поля буквально в считанных сантиметрах, но всё-таки взлетел. Взяв курс на свой аэродром, мой рассказчик почувствовал,

как рукав лётной куртки внезапно потяжелел от крови, и левая рука перестала его слушаться. Всё-таки одна из вражеских пуль догнала его в том поле!

Теперь даже дети, уже съев мороженное, молчали и внимательно слушали его, разинув рты.

– Больше всего я боялся, что могу потерять сознание и не долететь до аэродрома. Ведь сделанные мною снимки и данные аэроразведки были на вес золота, – сказал пожилой человек, утерев внезапно набежавшие скупые слезы. И в самом деле, ему в тот день здорово повезло: у него, раненного, хватило сил долететь и приземлиться на своём аэродроме. Когда он доложил о результатах полёта и передал отснятые плёнки

– Больше всего я боялся, что могу потерять сознание и не долететь до аэродрома. Ведь сделанные мною снимки и данные аэроразведки были на вес золота, – сказал пожилой человек, утерев внезапно набежавшие скупые слезы. И в самом деле, ему в тот день здорово повезло: у него, раненного, хватило сил долететь и приземлиться на своём аэродроме. Когда он доложил о результатах полёта и передал отснятые плёнки, его тут же отправили в госпиталь. К счастью, он был легко ранен в левую руку и, пройдя курс лечения, мог вернуться назад в строй. В госпитале моего героя навестил ко-

миссар полка и сказал, что ему тогда очень сильно повезло.

В тот вылет моему новому знакомому выпало неоднократно «целоваться со смертью». В корпусе самолёта насчитали свыше тридцати пулевых отверстий. Было чудом, что ни одна из пуль не повредила узлы управления самолётом, и ему вообще удалось взлететь с того поля. В районе проводимой им разведки немецкие истребители сбили в тот день четыре бомбардировщика, летавших без прикрытия. Для моего собеседника было большой удачей, что он не повстречался с немецкими асами! Его одиночный И-16 стал бы для них лёгкой добычей. Комиссар рассказал, что те солдаты в советской форме в наших грузовиках оказались переодетыми диверсантами из немецкого элитного подразделения «Бранденбург 800», и, если бы он не обнаружил их тогда, они могли бы натворить много бед в расположении наших войск. Благодаря своевременно доставленной информации, их вовремя локализовали и уничтожили.

Слушая его захватывающую историю, я «проживал» всё, о чём он рассказывал. Особенно меня поразили слова ветерана о том, что ему, как лётчику, было бы обидно погибнуть от рук тех диверсантов на земле, а не в воздушной схватке! Во время последующих боёв он сбил шестнадцать немецких самолётов, падение которых было подтверждено с земли и записано в счёт его личных побед. Помимо это-

го, за ним числился не один десяток групповых побед, когда было невозможно установить, кто именно из лётчиков, ведущих воздушный бой, отправил врага в землю. Но это, по его словам, было тогда не так уж и важно. Важно было, что фашистские «стервятники» навечно остались в нашей земле, которую так хотели захватить!

Во время одного из воздушных боёв в июне 1944-ого года, прикрывая штурмовики Ил-2, мой рассказчик снова был ранен, на этот раз тяжело. Едва не потеряв сознание и с трудом дотянув до наших войск, он кое-как посадил подбитую машину в поле, где подоспевшие на помощь пехотинцы помогли ему выбраться из самолёта и переправили его в госпиталь. Там вынесли страшный приговор: лётчику-истребителю придётся забыть о небе из-за последствий своего ранения. Оправившись от него и пройдя весь курс лечения, он мог ходить только опираясь на трость.

Однако моему герою всё-таки удалось остаться в авиации, хотя и на земле. Этот мужественный человек обучал молодых курсантов авиационного училища, преподавал теорию и тактику воздушного боя, передавая новичкам свой боевой опыт. И хотя к тому времени ситуация в наших воздушных силах была уже не настолько драматичной, как в 1941-ом году, бои в небе шли не менее тяжёлые. Несмотря на то, что и с немецкой, и с нашей стороны появились уже новые мо-

дели самолётов, его уроки и опыт помогали молодым лётчикам одерживать воздушные победы над фашистами. И когда 9-ого мая 1945-ого года объявили, что эта страшная война наконец-то закончилась, он не мог сдержать своих слёз! Эта победа была и его победой.

***

Нашу беседу прервали его родные. Вернувшись, они поблагодарили меня за помощь. Прощаясь со своим собеседником, я спросил его имя. Звали моего нового знакомого Николай Иванович Булдаков. Теперь, каждое 9-ое мая, я с теплом вспоминаю ту встречу и, мысленно поздравляя его с этим праздником, желаю ему долгих лет и крепкого здоровья! Ведь благодаря таким людям как он, прошедшим сквозь огонь той страшной войны, и, несмотря ни на что, победившим в ней, мы живём сейчас в сильной независимой стране. Честь и слава им!

Андрей Штин

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОДВИГ

Рассказ из цикла «Рассказы ветеранов»

Эта встреча произошла накануне 9-ого мая 1996-ого года и настолько врезалась в память, что я частенько вспоминаю её и теперь. Тогда я был студентом и, как большинство молодых людей, увлекался музыкой. Я играл в группе «Вторая Африканская Охота», и мы часто выступали на различных концертных площадках нашего города.

Всё вокруг уже было украшено праздничными плакатами, флагами и надписями. Ночью наша группа выступала на одной из дискотек. Когда мы, уставшие, сидели на лавочке в сквере, отдыхали и обсуждали дальнейшие планы, на нашу скамейку присел пожилой человек с сединой в волосах и с тросточкой для ходьбы. На пиджаке его праздничного костюма сверкали медали участника Великой Отечественной войны. Освобождая ему место, мы поплотнее прижались друг к другу и продолжили разговор, перейдя на тему предстоящего праздника и вспоминая, что мы знали о той войне из кинофильмов и книг. Этот человек внимательно слушал нашу беседу, и когда один из нас засомневался в достоверности того, что нам было известно, он внезапно сказал:

– Зря вы так, молодые люди! Ваше счастье, что вам не до-

велось испытать того, что испытали мы и дай Господь, чтобы не пришлось!

Нам стало неловко за свои слова, но любопытство взяло верх, и мы попросили его рассказать что-нибудь из своего боевого прошлого. Он, увидев наш неподдельный интерес, пошёл нам навстречу.

***

Наш рассказчик был призван в армию весной 1942-ого года, как только ему исполнилось 18 лет. После кратковременного обучения в мае того же года он оказался в самом пекле Харьковской операции. Бои там шли очень тяжёлые. Особенно после того, как группировка армий Южного и Юго-Западного фронта, наступавшая на Харьков, попала в окружение и пыталась вырваться из него.

От батальона, который прикрывал отступление его полка, вырывающегося из кольца противника, осталось не больше 60-ти человек и одно 45-миллиметровое орудие. Отступая, бойцы подобрали его и несколько ящиков со снарядами на разбитой противником артиллерийской батарее. После того, как они переправились через небольшую речку по крепкому деревянному мосту, перед ними встал вопрос: как задержать здесь идущие по пятам немецкие танки и мотопехоту противника. Было решено устроить засаду. Отделению бой-

цов из восьми человек предстояло удерживать наступающих фашистов единственным орудием здесь как можно дольше, давая возможность остаткам батальона оторваться от противника, а потом подорвать мост уже заложенными под него тротильовыми шашками. Наш герой оказался как раз в том самом отделении и, по его словам, уже не испытывал такого страха и паники, как во время первых боёв. Остались только злость и ненависть к фашистам. Он и его товарищи отлично понимали, что должны сделать это ради жизни других людей, пусть даже и ценой собственной гибели.

С ними и этим орудием остался сержант-артиллерист с уничтоженной немцами артиллерийской батареи. Отделение бойцов окопалось, замаскировало орудие, и потянулось тревожное ожидание... В течении этих, возможно, последних в их жизни спокойных минут, они млели под тёплым майским солнцем и наслаждались утренней тишиной. В той стороне, куда ушли их товарищи, и где части полка пытались вырваться из окружения, была слышна глухая канонада.

– До сих пор помню, как громко там в траве стрекотали кузнечики, и страшно пить хотелось, – вспоминал наш рассказчик.

– Вы же могли уже тогда подорвать этот мост и отойти? – спросили мы. На что он ответил:

– Нет, не могли. У нас был приказ держать здесь против-

ника как можно дольше, чтобы немцы не ударили в спину тем, кто пытался вырваться из той западни. Если бы мы подорвали мост сразу, немцы быстро бы нашли брод и, переправившись через него, одним махом вышли бы к нашим частям, которые в тот момент пытались прорвать «кольцо». Нам нужно было удерживать их именно здесь, у этого моста столько, сколько смогли бы, – ответил он.

– А вам не страшно было тогда? – спросили мы

– До сих пор помню, как громко там в траве стрекотали кузнечики, и страшно пить хотелось, – вспоминал наш рассказчик.

– Вы же могли уже тогда подорвать этот мост и отойти? – спросили мы. На что он ответил:

– Нет, не могли. У нас был приказ держать здесь противника как можно дольше, чтобы немцы не ударили в спину тем, кто пытался вырваться из той западни. Если бы мы подорвали мост сразу, немцы быстро бы нашли брод и, переправившись через него, одним махом вышли бы к нашим частям, которые в тот момент пытались прорвать «кольцо». Нам нужно было удерживать их именно здесь, у этого моста столько, сколько смогли бы, – ответил он.

– А вам не страшно было тогда? – спросили мы.

– А как же? Жить хотелось не только мне, а шансов выйти оттуда живыми у нас практически не было. Но всё-таки кто-то должен был это сделать, – ответил он и продолжил свой

рассказ.

Какое-то время бойцы сидели и курили, пытаюсь шутить, пока не услышали на дороге рёв моторов. Их отделение заняло позиции на флангах переправы, а через несколько минут на дороге появилась пара немецких мотоциклеток. Их пропустили без единого выстрела. На наш вопрос «почему», он пояснил: это была разведка, если бы они себя обнаружили раньше времени, то весь их замысел устроить засаду провалился бы.

Вскоре после разведчиков на дороге появилась колонна лёгких танков и мотопехоты. По словам рассказчика, эти танки очень медленно и красиво плыли в утреннем зное. Дождавшись момента, когда головной танк въехал на мост, сержант, сидевший за орудием, выстрелил и первым же снарядом попал ему в бок, и бронированная машина задымилась! Затем наш знакомый лишь едва-едва успевал подавать снаряды! Этот сержант оказался настоящим мастером своего дела, и, подбив кроме головного танка ещё и замыкающие колонну машины, намертво запер немцев на шоссе. Производя по два-три выстрела в минуту, он умело расстреливал вражескую колонну. В немецких подразделениях началась паника: мотопехота выпрыгивала из грузовиков и бронетранспортёров, а танки водили из стороны в сторону стволами башен, пытаюсь определить, кто и откуда ведёт по ним

огонь. На тот момент в колонне уже полыхали два бронетранспортёра, несколько грузовиков и дымилось пять подбитых танков.

– А как же они не могли засечь и уничтожить ваше орудие? – спросили мы. Он задумался на минуту, явно вспоминая те события, и ответил:

– Скорее всего не могли благодаря беглому огню, который открыл по колонне тот сержант. Они решили, что тут стоит артиллерийская батарея, и вряд ли могли предположить, что по ним бьёт всего лишь одно орудие.

Пока немцы искали позицию, где могла бы стоять батарея, ведущая по ним огонь, сержант подбил ещё три танка, и среди немецких танкистов тоже началась паника. Те выпрыгивали уже не только из подбитых, но даже из ещё не повреждённых машин и прятались за обочиной. Маневрировать они не могли, потому что и с той, и с другой стороны дороги были непроходимые для танков овраги. Через какое-то время немцы всё-таки засекали месторасположение орудия и, не сумев подавить его огонь, решили обойти огневую позицию с флангов. Выйдя из сектора обстрела, к речке направилось несколько групп автоматчиков с намерением переправиться через неё на надувных резиновых лодках и уничтожить орудийный расчёт.

Но не тут-то было! В бой вступили бойцы из отделения нашего рассказчика, не открывавшие до этого огонь. Вооружённые всего лишь винтовками и ручным пулемётом, они не давали немцам ни единого шанса переправиться через речку. Немногие немецкие лодки доплыли до противоположного берега, а уж ступить на него не получилось ни у одного из фашистов! Немцы поняли – просто так им тут не пройти. Тогда они, взяв паузу и оставив на дороге несколько сгоревших грузовиков, пять догорающих бронетранспортёров и одиннадцать дымящихся танков, отошли от моста.

Воспользовавшись передышкой и прибитыми к берегу немецкими лодками, несколько бойцов переправились через речку. Там они собрали немецкое оружие, патроны и всё, что можно было унести с собой. Их трофеями стало голландское мясо с испанскими сардинами в консервах и холодный кофе из немецкой фляжки. Первый раз за несколько дней тяжёлых боёв солдаты смогли нормально поесть. Но досыта насладиться едой им так и не дали.

В воздухе показалась пара немецких пикировщиков, и она с диким рёвом пошла в атаку. Когда этот человек рассказывал, с каким воем «Юнкерсы» пикировали на них, было видно: он заново переживал внутри себя те минуты. Сбросив бомбы и обстреляв позиции, самолёты улетели, убив четверых бойцов, но орудие осталось целым и неповреждённым. Тогда сержант-артиллерист, как самый старший по званию,

приказал оставшимся в живых отойти с этой позиции, забрав с собой двух раненных. Он сказал, что они уже выполнили свой долг и приказ своего командира и должны уходить, а он останется возле орудия и в нужный момент подорвёт мост.

Взяв у него документы с письмом и пообещав отправить его при первой же возможности, если самим удастся выбраться из окружения, выжившие солдаты простились с сержантом и оставили позицию. Через какое-то время бойцы услышали позади себя выстрелы из орудия, артиллерист вёл бой уже в одиночку! Вскоре раздался глухой звук взрыва. Сержант сдержал своё обещание и выполнил приказ, который был дан им всем! Они удерживали противника более трёх часов, не давая ему с ходу переправиться через речку, а после того, как мост был уничтожен, фашистам понадобилось немало времени, чтобы навести переправу.

***

Из тех, кто вёл бой у того моста, в живых остался лишь наш рассказчик и, по его словам, мало кому из их полка вообще удалось выйти тогда из окружения. Мы заметили: ему было нелегко всё это вспоминать, на глазах блестели слёзы.

– А вы не помните, как звали того сержанта? – спросили мы его.

– Помню только имя, перед тем боем он назвался Сергеем, а фамилию так никто и не успел узнать. Не до того тогда было, да и не верилось, что хоть кто-то из нас выберется оттуда живым, – ответил он.

– Но ведь у вас были его документы и письмо. Вы сумели их передать по назначению? – уже осторожнее спросили мы, понимая, что он переживал всё это заново.

– Нет, к сожалению, не успели, да, наверное, и не смогли бы. Его документы и письмо были у моего товарища, который погиб через четыре часа после того, как мы вышли к нашим частям. Ведь мы тут же снова вступили в бой, – ответил наш собеседник.

Мы ещё долго беседовали с новым знакомым, забыв про усталость после ночного выступления и свои проблемы. Разговаривая с ним, мы сами перенеслись в то время и словно увидели своими глазами всё то, о чём он рассказывал.

Когда ему чудом удалось выйти из окружения, его, раненного, сразу же направили в соответствующие органы для проверки показаний. Время было такое, что среди выходивших из подобных «котлов» были и люди, завербованные фашистами, и просто трусы, спасавшие свою жизнь ценой жизни своих товарищей. После жестокой проверки, где ни в чём не повинных людей иногда избивали до полусмерти, пытаясь выбить из них нужные показания, его переправили в госпи-

таль. Излечившись, он вновь вернулся в строй и прошёл по дорогам войны до самой Праги. Там же, после подавления немецкой группировки, не признавшей уже подписанную капитуляцию, 11 мая он и встретил победу.

***

Мы просидели с ним на скамейке около четырёх часов, внимательно слушая ветерана. Когда он засобирился домой, один из нас обнял его на прощание

– Спасибо тебе за всё, отец. О таком мы не слышали, – сказал наш товарищ и протянул ветерану свою долю от гонорара за наше выступление. Его примеру последовали и остальные. Мы были молоды и могли заработать ещё. В то время пенсию старикам платили не регулярно, и, несмотря на все возражения, мы всё-таки убедили его принять наши деньги. Хотя бы так мы могли поблагодарить этого человека за то, что он рассказал и за всё то, что сделал за свою жизнь! Если бы не такие люди как он, вряд ли бы нам довелось увидеть белый свет, и неизвестно – существовала бы сейчас наша страна или нет.

Позднее, вспоминая эту встречу, я не мог простить себе, что мы, увлечённые беседой, даже не узнали его имени. К великому моему сожалению, так и осталась неизвестной фа-

милия того сержанта-артиллериста.

Всё меньше и меньше остаётся очевидцев и участников тех событий, дай Бог им всем здоровья, и чтобы их имена не были забыты нами и другими поколениями людей в нашей стране. Есть хорошо известные всем слова: «У поколения, которое не знает своего прошлого, нет и будущего».

Андрей Штин

ДЕДУ ПОСВЯЩАЮ

Как мать рыдала иступлённо,
Как голосила вслед жена...
Не знаем мы, определённо,
Лица жестокого -«Война»...
С тех пор взрастила поколенья
Многострадальная земля,
Но преклоняем вновь колена
У негасимого Огня...
На фотографии далёкой,
Из тех, войной пропахших лет,
С улыбкой доброго ребёнка
Глядит мой самый лучший дед...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.